

МОЙ МАЛЕНЬКИЙ КРЕСТИК

Мне думается, что у всякого батюшки было великое множество бытовых и таинственных происшествий или, просто сказать, случаев, которые завуалированы некоей «мистикой», часто остающейся «неразгаданной» (да, может быть, за ненадобностью быть разгаданной), но остающейся как знак или награда. У всякого батюшки, если по вспоминать, найдётся и будет интересно и назидательно и поучительно. Но они – по скромности, а я по тщеславию? (Нет, я бы не хотел, чтобы так). Просто я рассказал одному уважаемому человеку свою маленькую историю про маленький крестик, а он, приложившись к нему, говорит: «А вы опишите, это интересно. Потому что хотя вы и считаете тот случай маловажным, однако это не так. У других могут оказаться более яркие и эффектные происшествия, но такого уже не будет. Потому что в вашем времени было так, а у сегодняшних священников по-другому». И вот я и исполняю его предложение.

Когда наш родительский дом сносили (я тогда служил в кинешемском соборе, и мы с матушкой там, в Кинешме, жили), наш младший брат Миша зашёл в последний раз в дом. (Всё имущество уже вывезли, все братья и сестра, жившие в нём, получили квартиры). Шёл мимо (по работе – в ателье, он механик по швейным машинам), и что-то, говорит, потянуло. «Дай, – думает, – зайду в последний раз». И зашёл в отцову комнату. Это была главная наша комната. Там и множество икон было, и книги, и всякая святыня. «И вижу, – рассказывает брат, – на стене на видном месте маленький мешочек. Как я его раньше не видел? Может быть, в этом мешочке отец Причастие носил». Только в нём крестик оказался: небольшой, сантиметров 8 – 10 высотой, но объёмный. Как оказалось позже – мощевик. Принёс его брат домой и сказал жене: «Кто из братьев (священников) первым зайдёт к нам в новую квартиру, тому и отдам».

Первым из посетивших оказался я. Мне и был Михаилом торжественно вручён этот отцовский памятный подарок. Крестик простой, металлический, без всяких украшений, как я уже сказал (только концы крестика как бы тремя лепестками заканчиваются), объёмный. Вскрыв верхнюю плоскость (в торцах маленькие винтики), обнаружил залитые в воске частички мощей, но чьи – неизвестно – не обозначено.

Этот крестик мне очень дорог. Во-первых, потому что отцов, а во-вторых – что простой, без украшений (хочется сказать: как мне и по-

лагается). Понятно, что у Креста одно украшение – это распятый за нас Христос. И снятый со Креста (бывает с изображением), но на этом нет.

Вот такая история. Вот какая святыня мне досталась. Дай-то, Господи, носить этот крест достойно.

– Чего это вы, братцы, такие унылые?.. Автомобильные пробки?.. Да, едва добрались, чуть не опоздали. Это на «фордах»-то? В наше время таких пробок не было. Они только начинались. Приедешь, бывало, на очередное собрание благочинных, владыка Николай спросит: «Всё ещё на «Запорожце» ездешь?» «Да, владыка, на «Запорожце». И не опаздывали. Шофёр больно шустрый был. Гонит, как на «мерседесе». Однажды на Пасху остановили. Грозят наказать за превышение скорости. А он им: «Братья, батюшку везу на совещание. Извиняйте». «А, батюшку! Ну, давай». Батюшек-то тогда мало было. Их больше уважали. Нынче не так уважают. Некоторый народ никак не может простить батюшкам «мерседеса». Да оно и можно понять. Посвятили молодого человека в батюшки, прошёл он испытание (сорокоуст), всё чин чинном. Трудное это время – сорокоуст. Но дали отдых недельку, и на приход новостроящийся (только фундамент у будущего храма). А пока в соседний храм клириком, то есть рядовой с послушанием настоятелю. Настоятель тоже молодой, вроде как друзья-коллеги, отношения простые пока. (Пока, это чуть позднее).

– Ты чё, пешком, что ли, ходишь?

– Да нет, на машине приехал, папа купил. Мне послушание дали в Дивееве, уроки давать. Что я, на автобусах туда буду ездить?

«Крутая», блестящая машина стояла за кустиками – вроде бы не к храму подъехали. Стесняется. А настоятель ездит три дня в неделю в епархиальное управление на подобное дополнительное послушание только на автобусах. Утром и вечером – километров сорок. Но это всё ладно, терпимо. Это нормально. Неладно только одно – где папа взял деньги на дорогую машину двадцатипятилетнему сыну?

Нет, это не зависть ни настоятеля, ни пишущего эти строки. Это, скорее, сожаление, потому что вот как раз «этот папа»...

Однажды (прошло не так уж много времени) настоятель, будучи в отсуствии (в очередные недельные три дня отбыл в епархиальное управление) и заменяя не впервой, сделал брату-коллеге замечание на беспорядок в алтаре. И коллега полез в бутылку:

– Ты чего меня учишь? Я из священнической семьи! И вообще, у меня дядя архиерей, и я тоже настоятель строящегося храма.

– Но ты же в этом приходе зарплату получаешь.

В таких случаях, как говорят: комментарии излишни. Остаётся разве только добавить, что «челюсть отвисла» сначала у настоятеля, а потом у меня – слушающего. Горько и печально стало. Промолчать бы, чтоб «сор из избы» не выносить.

А не наоборот ли: молчание – «сор в избу»!

И что же? Я против хорошей машины, которую может помочь купить богатый благодетель? Нет. Я против недостаточного воспитания. Батюшке же народ воспитывать: про бедность и богатство говорить, про терпение и труд, про любовь и жаление. Про чутьё и бесчувствие.

О ЧЁМ ПЛАКАЛА КАТЯ?

«Как неразумно мы живём?»

В очередной раз просочилась эта фраза. И сколько же много всяческих оттенков она в себе несёт. Способны ли мы друг за другом и вместе, за Христом, пойти в годину страшных искушений? Как бы хотелось, чтобы оказались, с помощью Божией, способны. А такое ведь может наступить чуть ли не завтра. То есть не умозрительно, что должно просле-

живаться внутри себя всегда, а реально, а Катя плакала не по этому поводу. Она женщина чуткая, очень ранимая, добрая и простая. И она-то, как раз в силу внутреннего тихого закрытого состояния душевного, первая может и пойти (это, так сказать, кстати).

Так о чём же всё-таки? Всё достаточно просто. Катиного мужа держат под следствием и уже долго. Он юрист и сказал про высокопоставленного дядю правду. А должен был промолчать, или сказать кривду, как это бывает нередко. А Катя с двумя детьми ездит к нему на свидания и плакать перестаёт, потому что стала понимать – за правду, оказывается, надо страдать.

Одна женщина серьёзно поранила руку. Большой палец не действовал, сухожилие перерезано, и его не могли найти. Старший хирург пришёл, посмотрел и сказал: «Ну, какая беда-то?..» Типа того, мол, чего, мало тебе девяти-то пальцев? Ну, потом нашли, пришили, наложили гипс. И была путёвка на юг, к Азовскому морю. И там был коньяк сверх меры и до крайней опасности физической и духовной. Получилось, что хирург, как пророк – пропасть можно и с вылеченной рукой, если в голове «тараканы». А вчера погиб Вася. Погиб или Господь прибрал, чтобы спасти. Неведомо нам, но очень тяжко всем. Ему было пятьдесят два года. Такое вот сердечное обрушение.

Одна молодая женщина в исповедальной беседе по вопросу веры говорит:

– Я, знаете, батюшка, не очень верю в Бога. Мне ближе понятие «надеяться на себя».

Относительно веры ничего удивительного не сказано. Человек не церковный. Да и от церковного человека, то есть от большинства из нас, можно подобное услышать. И в самой Евангелии такая мысль часто присутствует. Она предполагает человеческую немощь. Сам Господь вопрошает человека: «Если сколько-нибудь веруешь, будет тебе» или «Верую, Господи, помоги моему неверию» и др. А вот по поводу «надеяться на себя» – это не очень понятная мысль. Что женщина имела в виду? Хорошую спортивную форму? Или честную добросовестную чётко организованную работу, чтобы труд был полезный, некорыстный. Не перепродажа или сфера распространения сомнительного производства товаров. Но тут как можно человеку «надеяться на себя», если вся его деятельность в связке с другим. Как?

В церкви такого категорически нет и быть не может. Церковь – это Соборное сообщество людей с Центром – Христом во главе. В обществе тоже так должно быть. Но общество (мир) почти всегда и почти у всех народов находит подмену в виде золотого тельца и ему служит. Золотой телец и культ тела!..

Там, где нет Бога, нет Гармонии – общество разлагается, а «надеющийся на себя» человек может быть и хорошим, ищущим человеком, только вот без ориентиров, причём опробованных, традиционных, ему можно легко заблудиться.

– А вы в Библию-то заглядываете вообще?

– Знаете, батюшка, я не могу её не только читать, я её не воспринимаю.

– И Новый Завет? И хотя бы Деяния святых апостолов? Или самое короткое Евангелие от Марка (16 глав) не посмотрели?

– Нет.

– Но вы же гуманитарий, закончили юридический факультет. Это просто по долгу образованного человека надо было сделать.

– Я в дальнейшем постараюсь. Обещаю.

– А в настоящее время что вы читаете, где «ищите»?

– Справительно недавно я заглянула в Фрейда. Сейчас вот Ницше намерена посмотреть.

Ещё неоязыческие верования – назвала книгу, не запомнил.

Что же тут можно сказать? Человек свободен! Человек свободен в выборе. Человек волен «надеяться на себя». Только вот без компаса да в дебри. Ориентиры, ориентиры – для кого? Они есть. А ими пренебрегают, «надеясь на себя».

Разговор с батюшкой оказался случайным, преждевременным, пока не нужным.

Вспомнилось мне, как одна знакомая молодая женщина за столом, потчуй гостя, приговаривала: «Кушать надо много!» А другая, средних лет, на исповеди признаётся осторожно (чтобы не «спугнуть птицу»): «Вы знаете, батюшка, я недавно хорошо поняла евангельское повествование о насыщении пятью хлебами пяти тысяч человек – Чудо Христово! У нас в семье последнее время установилось правило: утренние молитвы прочитали, по маленькому кусочку просфоры с Крещенской водой вкусили, и по делам, и до обеда, где-то в районе часа. И хватает, и состояние на душе лёгкое, благодатное. Немного человеку надо, когда всё по правилам».

«Немного надо» – это когда по вере. А без веры там происходит «по науке», и начинаются рассуждения: калории, витамины и прочие добавки и полезности, и как следствие – отращивание живота, и «немного» становится относительным понятием, а ты, услышав в общем-то известное христианское правило, вдруг устыжаешься от простого человека, простым правилом руководствующегося и в благодати Божией пребывающего. И радуешься за него, а себя укоряешь за нетщательное исполнение. Слава Богу, люди стараются! Ведь в таком старании легче им вечером после трудового дня прочесть несколько строчек из Феофана Затворника о «чувствовании Бога» и почувствовать крепче, потому что днём, в труде такое ощущение уже теплилось и вот милостью Божией подтверждается.

В этом доме причащали старушку Енафу, ей девяносто пять уже исполнилось. Года три назад она ещё добредёт, бывало, до храма, а ныне уже не смогает. Но сидит бодренько и ум ясный. Кается конкретно, хотя какие грехи?

На столике у икон рядом с Евангелием, Псалтирью и молитвословом «Душеполезные поучения» Феофана. Всё очень мило и по чину христианского быта.

Мы читаем стих из псалма 118, 10: «Всем сердцем моим взысках, Тебе, не отрини мене от заповедей Твоих», но можем ли с уверенностью подтвердить, что именно так поступаем? Вот и толковник говорит: «Многие взыскуют Бога, но не всем сердцем, потому что уделяют оное не только на заботы о делах житейских, но и на неприличные пожелания, зависть, обманы, злоумышления против ближних».

А любитель Божественного весь ум посвящает Богу и поставляет себя в зависимость от Его промысла».

«Воздрема душа моя от уныния...» (Пс. 118 ст. 28)

«...Расслабевающая душа преклоняется к сну, а сон наводит смерть».

В другом псалме Пророк говорит: «Просвети очи мои: да не когда усну в смерть», – называя смертью грех. (Пс. 12, 4)

«Благодать Божия не дается не имеющим доброго усердия, и человеческое естество не может преуспевать в добродетели без помощи свыше».

Мы знаем с вами, что есть немало молодых людей, которые «не признают» Церковь... По разным причинам... Есть люди, которые критикуют Церковь, и даже ругают... Епископ Душанбинский Питирим в статье «О зле в Церкви» поясняет эту тему:

«Нередко мы можем услышать (или в себе иметь) мнение: «Как Церковь может быть святой, если в ней есть грешники?»

Оговорюсь.

«Зла в церкви нет, его и не может в ней быть».

«Церковь святая, хотя в ней есть и согрешающие. Согрешающие, но очищающие себя истинным покаянием, не препятствуют церкви быть святой...»

Вот ответ всем любящим отождествлять достоинство Церкви с недостойностью её членов. Когда ругают Церковь в лице её недостойных членов, никогда не попадают в цель: если согрешающий кается, то грехи и беззакония его уже прощены и судить его, кроме Бога, никто не может; а если покаяния нет – то он уже не член Церкви, хотя может именоваться православным и даже состоять в чине монашествующих или в сане священнослужителей вплоть до самых высоких степеней». (Епископ Душанбинский и Таджикистанский Питирим)

Есть много людей, для которых «самым святым может быть буйство плоти, а самым невыносимым – церковная догма...» «Богу нет места... для огромного множества людей...»

Но есть люди и святые, которые оставили нам свое наследие... и у нас есть возможность, изучив это оставленное нам наследие, лучше узнать, кто мы...

Кроме святоотеческих писаний, до которых не всякий охочь, а бывает, и не всякому доступно или даже неизвестно вообще в силу разных причин, есть хорошая художественная литература, способствующая привести внимательного читателя к покаянию. Или если не напрямую к покаянию, то к началу его или размышлению о нём. Мне не раз приходилось приводить пример – рассказ И.С. Тургенева «Живые мощи», где девушка Луша (Лукерья) при жуткой болезни своей восторгается творением Божиим – благодатью Божией, окружающей её. Она это чувствует во всем своём убогом окружении, а благодарит Бога за всё и за свою болезнь тоже. Для того, чтобы принять болезнь и благодарить за неё, известно нам, нужно величайшее смирение.

Но И.С. Тургенев жил давненько, и в его времена подобные примеры были не так уж необычны, потому что Русь была другая, она, наверное, была «святее», но то и удивительно, что и сегодня та русская литература продолжается. Пример, который я намерен привести вам, далеко не похож на выше упомянутый, но вывод из него, размышление получается положительное, то есть, покаянное.

Взрослый человек в каких-то стесненных жизненных обстоятельствах вдруг вспоминает, как он, будучи ещё мальчиком (перед школой), отрекается от своей бабушки по причине её «нехорошего вида». Она шла в детсад забирать его и по дороге упала и сильно разбила своё лицо. И вот она, окровавленная, плачущая и жалкая, стоит в вестибюле, и внучек, тоже растерянный, начинает «соображать», и мысль, что «она мешает» их благополучной обстановке, в нём утверждается, и на вопрос одного из присутствующих - это твоя бабка? - «маленький Максимов почувствовал в этом вопросе какой-то подвох, что если он сейчас признается, все начнут его бояться и избегать, как страшную старуху. Он покачал головой из стороны в сторону и убедил себя в эту минуту, что стонущая, зовущая его женщина не имеет к нему никакого отношения.

Об этом случае никто не узнал, и он думать о нём забыл, но теперь вспомнил, вспомнил её неправильно сросшийся нос, и ему сделалось физически дурно... Он опустился на жухлую траву, расстегнул ворот рубашки и стал растирать виски». (А. Варламов, из рассказа «Покров»).

Мне не понадобилось «растирать виски», потому что у меня была не экстремальная ситуация, как в рассказе, а спокойная, но вспомнилось одно за другим поведение подобное, как у того мальчика, когда я стес-

нялся своих родных: бабушки Варвары, потому что она «шаркала» ногами и часто падала, или своего дяди, который был «молчун» (даже когда мы приезжали к ним в гости в деревню) и был жестоким по отношению к соседской корове, забредшей в их огород. Или я стеснялся своей беременной жены, когда она была беременна во второй раз. Я не отрекался, но эгоистические «прожилки» колыхались во мне – противные сейчас и необъяснимые тогда. Необъяснимые, но точно греховные – безжалостные.

Сейчас, читая рассказ и вспоминая «свое», невольно отмечаешь для себя то, что сказал вначале: хорошая русская православная литература склоняет и ведёт к покаянию. И, мне кажется, такое рассуждение полезно не мне одному.

*«Всё мне позволительно, но не всё полезно...»
(1 Кор. 6, 12)*

Мы, пришедшие в Церковь через советский, безбожный период, и, испытав радость душевную от утраченного и обретённого, в дальнейшей жизни своей, уже как бы «церковной», нередко по неразумию, по недостаточности мудрости духовной, делаем грубые ошибки относительно поведения своего, по отношению к близким, родным и семейным. Испытав, к примеру, восторг от той или иной паломнической поездки, мы вновь стараемся поехать в очередное благочестивое путешествие. Внешне это похвально. Безусловно, может быть похвально и внутренне, но не всегда.

Однажды нам с братом посчастливилось посетить Оптину (возил нас туда благодетель, ныне покойный, Василий), и, выезжая в обратный путь, один монах попросил нас взять попутчицу, кажется, до Дзержинска (нам по пути), и она дорогой рассказывала, что уезжала «на недельку», а прожила восемь месяцев и ещё бы потрудилась, но какие-то необходимые дома дела надо было сделать. Восторгам от благостного пребывания там не было конца, хотя режим «трудника» или «трудницы» не сладкий (у неё было послушание на скотном дворе)... Женщина была не связана никакими семейными узами, простая и знающая нелёгкий крестьянский уклад, теперь, кажется, и оставшийся только в некоторых монастырях, и нам было хорошо от её рассказов.

А ещё есть у меня знакомая из «городских», периодически посещающая Оптину, чтоб просто поехать помолиться-исповедаться и Причаститься, чтоб получить новый духовный заряд для продолжения нелегкого поприща. Но «периодичность» её поездок зависела от семейных обстоятельств, справив которые и «заработав» себе «окно в два-три дня», она «вылетала» из Нижнего до Москвы на поезде, а там автобусом «Москва – Козельск». Дорога не из лёгких, и с возрастом всё тяжелее, но очень любит она Оптину.

Оба эти примера, так сказать, положительные и без каких-либо претензий к близким, но не всегда бывают качественными подобные паломнические поездки. Нередко бывают необдуманными и, стало быть, не спасительными для души своей и для близких своих.

У Наталии Сухиной есть хороший поучительный рассказ под названием «Два кофе по-турецки».

Две верующие женщины живут по соседству. Одна постоянно ездит в паломнические поездки, а другая никак не может выбраться по тем или иным обстоятельствам. У паломницы есть сын – юноша, за которым нужен присмотр и просто материнская забота, но сын у неё «на задворках». На первом месте – святые места и добрые дела. Всякий раз, перед очередной поездкой, она зовёт соседку... И опять: «не смогаю, прости, в другой раз». «Паломница досадно машет рукой, решительно направляется к двери. И, уже открыв её, говорит громко и назидательно:

– За сыном моим присмотри пару дней, пока я в Оптину и обратно. В холодильнике борщ, до моего приезда хватит.

Она не просит, нет. Я вообще не помню, не знаю её просящего тона или извиняющихся интонаций. Она чеканит условия громко... и я принимаю эти условия как единственный способ реабилитироваться за невозможность ехать в Оптину».

И вот женщина едет, делает добрые дела, ходит в Церковь, а сын «заброшен». Соседка видит всё это и видит, что сын пропадает. И жаль ей парня, и старается она лишний раз побеседовать с ним, и у неё получается, парень чуткий, но не скажет же она ему, что мать у него плохая, что она что-то делает не так. И матери подсказать не хватает мудрости. А сын всё больше отрывается от дома, в свою компанию, а материны молитвы и добрые дела его не только не трогают, а напротив, отчуждают, а к соседке иногда заходит и даже делится сокровенным: вот там у него подружка появилась... «С какой стати ей роль судьи выпала?» – ворчит про себя женщина. Мать, из очередной монастырской поездки возвратясь, делится с соседкой: «В монастырь уйду, сын взрослый, кто меня держит, пойду к старцу за благословением».

Время идёт. В очередные «каникулы» уехала к старцу наша паломница, а квартира, как и всегда, не ухожена, а сын взрослый, да и не слушается её.

Соседка сокрушается в очередной раз, на парня гляючи: ну, не то, не то что-то делается, а как подсказать – она же «вся такая правильная», а я кто?

Как-то после трудного дня сидит наша сердобольная героиня, и рука её непроизвольно потянулась к полке у икон с Благодетельными книгами – «Преподобный Симеон, Новый Богослов» - и открылась на «нужном месте», словно кто открыл, на удивление, кстати: «Смотри, не разори своего дома, желая построить дом ближнего».

«Господи!» – наверное, воскликнула женщина. Да как же это верно, да как же это точно про нас. И если это «чудесное открытие», ты, Ангеле Божий или Сам Господь, представил мне, недостойной и грешной, то молю Тебя: устрой умы наши, вразуми мать, образумь сына, примири их и исполни «счастливый конец» в нашей запутанной истории. Ведь они неплохие люди. Она молиться ездит, а он не виноват, что его «недолюбила» мать, чего-то ему не смогла преподать. Благодарю Тебя, Господи, за мысль, которую обрела от святого угодника Твоего. «Смотри, не разори дома своего, желая построить дом ближнего».

Такая ясность на миг возникла у женщины и исчезла. Исчезла, но окрылила и вселила надежду, что всё должно образоваться, обустроиться...

А пока реальность была совсем не радужная: «Вчера до поздней ночи мы с её сыном решали, как сообщить матери потрясающую новость: девочка, с которой он встречается, ждёт от него ребенка...»

От старца паломница вернулась притихшая и суровая, видимо, старец ей «хорошо всыпал», а соседка не стала ждать её ясного взора и добавила, сообщив новость, что скоро она будет бабушкой... Та испугано посмотрела, потом молча встала и ушла.

Её не видели с неделю. Она закрылась и к соседке не заглядывала. Но заглянул сын: «Чудеса – мать окна моет. Плачет... но моет. А ещё я у неё книгу нашёл «Воспитание ребенка». В бабушки готовится... Чудеса... Спрятала среди своих духовных книг, а я нашел.

– А ты-то что искал?

– Помните, вы говорили, что есть такой Симеон... У него много мудрых мыслей. Хотел почитать.

Моё сердце ликует, говорит сама себе соседка, поёт и радуется, я верила, что Господь устроит. И все устраивается. Надо порадовать и других.

– Хочешь кофе? Я заварю тебе свой любимый по-турецки.

Юноша смотрит испуганно:

– А разве можно? Мать говорила, что кофе по-турецки православным пить нельзя. Турки же мусульмане.

– Ты что-то перепутал, – едва сдерживаясь от радости и чтобы не рассмеяться.

– Кофе здесь не при чём.

Это уж точно: кофе здесь не при чём. И сколько таких же «не при чём», и сколько же мы «заборов» нагородили – не счесть. Тут «нельзя», и там «не можно», и разобраться молодому человеку или любому новичку, вошедшему в храм, совершенно не под силу.

Господь, однако же, все наши ошибки духовного плана «подправляет». Молитвы неправильные исправляются и тоже как бы не пропадают даром. Всё образуется к пользе душевной, если видит Господь стремление к Нему.

«Всё мне позволительно, но не всё полезно; всё мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор. 6, 12). Апостол Павел говорил это для совершенных, каким и сам был, у нас же, немощных, не всегда получается «по Апостолу». Мы то забываем вообще слова Апостола, то, по самонадеянности своей, делаем «наоборот». И вдруг «подправляет» Господь через человека, который, по нашему мнению, был «неправильным», и в Церковь мало ходил, и в паломнические поездки не ездил.

Но не задавался, не превозносился, был внимательным к боли и переживаниям других. И, как мог, помогал на радость близким и себе, благодаря Бога.

«...Верующий человек знает (или должен знать), что он не может ИСЦЕЛИТЬ И ИСПРАВИТЬ МИР. Как бы он этого не хотел».

Правда, мы знаем с вами, что есть ретивые (внешне они очень «смирненные» христиане), берущие на себя смелость утверждать – поучать, к примеру, что ничего, кроме Священного Писания и святых отцов (на сегодняшний день Игнатия Брянчанинова и Феофана Затворника), читать не надо. И как они могут определять, через «какую строчку» (из «Фомы», или прот. А Ткачева, или других, говорящих о Боге на «современном языке») западёт мысль о Христе – Спасителе Боге нашем. Западёт и начнёт развиваться. Или через «тюремного героя», изложившего свою греховную биографию и ставшего «примером», повторившим покаяние благоразумного разбойника. Как? Жизнь-то ведь продолжается, общество становится другим. «Хорошим» или «плохим», но другим. И Господь допускает, терпит то или иное человеческое падение и для чего-то медлит!..

А мы почему-то хотим «ускорить процесс». И уже сколько раз слышали, что «всё – конец», «пора уходить»... Какой конец? И куда уходить? На это, естественно, никто не знал ответ. Вспоминается эпизод, теперь уже пятидесятилетней давности. Мы еще не переехали на Бор и жили в родительском доме, и у нас с женой родились и дочь, и сын, то есть это было до 1965 года. В родительском доме появился какой-то неожиданный гость – монах (и ещё с ним кто-то), убеждавший всех слушающих, что «надо уходить»... Страху и панике было место разгуляться, только мама не поддерживала отца в подобных посещениях и иногда тихо возражала ему такими словами: «Отец, ты же священник...»

У одной женщины была нехорошая привычка, она привезла её с собой из лагеря, куда была сослана «ни за что» в известные всем нам годы. Когда раздражение, по какой-либо семейной причине, достигало предела, она ругалась матом. А когда её тринадцатилетний сын услышал скверное слово, ему показалось, что он ослышался. А мать, опомнившись, виновато сказала: «А меня когда охранник первый раз по матери обложил, я и не поняла – думала, он Матерь Божию поминает. Перекрестилась, поклонилась ему, а он меня прикладом по лицу. И невесело рассмеялась». (Из рассказа «Заступница» А. Варламова).

Женщина была доброй хозяйкой и детей четверых вырастила. И уже о взрослых с семьями их заботилась и молилась, но в минуты грустные, к старости все чаще подступающие, она горько высказывала их младшему.

«Виновата я перед вами, Ваня. И пусть меня Бог за это осудит.

– Да чем же вы виноваты, мама?..

– Да вам за ваши лагеря ангелы должны руки целовать. Где Он был, ваш Бог, когда вас охранник по матери посылал, а вы ему кланялись? Хоть бы от этого уберёг». Так говорил партийный сын её Иван, но спорить она с ним не хотела или не умела, только после небольшой паузы говорила: «Без Бога, Ваня, нельзя».

«Каждый день я за вас молюсь и за деточек ваших, чтобы всё у вас хорошо было. А умру – что с вами будет? Страшно мне за вас, Ваня. Тебе пора и самому начать молиться, да и детей учить». Но Ваня – ещё пока «партийный», коль спрашивает мать: «Где ваш Бог был? Когда «прикладом в лицо?» Молиться человек может начать тогда только, когда поймет, что «прикладом в лицо» – это путь Христов, это личная Голгофа – «подражание» Христовой Голгофе... Все мученики за веру Христову получали «прикладом в лицо», и никто не ставил вопроса «где Бог?», потому что знали, Христос рядом – Он призвал, Он вдохновил, Он дал мужество и терпение постоять за Него, пострадать,..и прославиться. Так было со святыми мучениками. И эта «лагерная» ни за что страдавшая женщина тоже прославится, Христос её за верность и молитвы прославит и детей постепенно приведёт к Истине – то есть к Себе, и оставят они «партийные звания», и откроют Новый Завет.

На днях подходит ко мне после Воскресной службы «старая» наша прихожанка, аккуратная такая женщина средних лет, и рассказывает про общую знакомую. Та поделилась своими мыслями и просит совета, как написать исповедальную записку, поскольку в затруднении, знает её не церковность... И вот они с батюшкой обсуждают: к кому может быть обращена «Исповедальная записка»? К Аллаху? Она не мусульманка. Да и мы здесь не подсказчики, потому что не знаем их традиций. К Иегове? Но это одно из Имен Ветхозаветного Бога. Для нас настал, идёт и продолжится Новый Завет и Новое Имя Бога – Христос, Который воплотился, став Человеком... Оставивший нам Крест, Евангелие (Новый Завет), первым словом Которого является «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное», и Церковь с Её спасительными Таинствами. Итак, исповедь можно обращать к Христу, но в Него надо поверить, Его нужно открыть в своём сердце... Не исключено, что Его там ещё нет, пока. (Это печальное «открытие» может обнаружиться у любого из нас, так называемых церковных, когда «вера наша» на автомате и только юридически, а не в сердце. (Не дай Бог, чтобы такое состояние души затвердело и не исправилось).

На подобные вопросы: о сердце, о вере и о Христе – размышляет известный проповедник прот. Андрей Ткачёв. Ему задают вопрос: «Если в исторической гуще Бога встретить трудно, то где Его искать?» Предупреждая о трудности вопроса, он отвечает:

– Я думаю, что человек как личность должен искать личного Бога, Который нужен ему и Которому нужен он... Сердце человеческое – это орган, реагирующий на Его присутствие.

Как дозиметр реагирует на радиацию, которую никак иначе не почувствуешь – ни глазами, ни слухом, ни кожей – так и сердце реагирует на Бога, и потому к нему надо прислушиваться. Но только не думая, что Бог там «уже есть», – это тоже один из распространенных мифов. «Бог в душе» – это очень лёгкие слова, сказанные по очень серьёзному поводу. Его там сейчас нет. Если бы Он там был как владыка и хозяин – мы бы совершенно по-другому действовали, думали, жили. Жизнь была бы совершенно другая.

Моим личным опытом я не могу подтвердить, но «Глядя на достойных людей, имеющих веру, я склоняюсь к тому, что Бог действительно есть», – добавляет священник.

Можно еще сказать, что, в наших русских традициях пребывая, остается только увидеть в Боге – Христа, а в Христе – Сына Божия, обещающего и пославшего на Апостолов (и, значит, на весь мир) Духа Святого.

Мы же говорим: «Бог – Отец, Бог – Сын, Бог – Дух Святой! Троица Святая, слава Тебе!» Подробные уточнения в «Символе веры».

Может быть, такой посыл поможет нашей знакомой найти, Кому обратиться «Исповедальную записку» и написать её начинающим быть верующим сердцем?

«Лало, Лало», – так взывал в окрестностях своей кельи старенький Афонский монах Антоний.

«Лало» – это возглас к маленькой косуле, которую он спас полгода назад от гибели, обнаружив ее на дне оврага с поврежденной, до невозможности передвигаться, ножкой. С большим трудом, по немощи своей, извлек он ее оттуда, а сосед – молодой послушник – врач по гражданской специальности – сделал соответствующую операцию, и косуля стала у него любимым существом на старости лет. Это милое создание открыло в Старце какой-то благодатный трепет ко всякому творению Божию, и, кроме строгости, постоянных молитв и восхвалений к Богу, обнаружилась еще и эта добродетель и неведомая ему раньше сердечная услада – милое прыгающее и скачущее существо. И вот, оно пропало.

«Лало, лало», – снова повторял Старец, бродя по каменистым тропкам, едва передвигая ноги от усталости. Но молчала округа, а встретившиеся два паломника «не встречали никакой зверушки»...

Как перевести на русский «лало, лало»? Наверное, это, как и на греческом или на сербском, что-то уменьшительное и ласковое. Есть подобное и у нас: «гуля-гуля» – так, кажется, мы голубей маним, когда хотим покормить их зернышками, или «кис-кис», но и то и другое, по сравнению с «лало – лало», как-то грубее звучит. Может, так кажется от того, что рассказ завершается описанием удивительной всепрощающей любви и искристой радости в глазах Старца?!

Дело в том, что косуленка убил сосед – мусульманин (рабочий – албанец, преследуемый властями за свои злодеяния и скрывающийся на Афоне): подкрался ночью к сараюшке, прилепленной к келье Старца, (косуленок ко всем окружающим людям относился спокойно и радостно) и умелым ударом молотка по голове свалил зверушку, не издавшую ни звука. Унес тушу животного в свое жилище и освежевал... – и еда, и мечь ненавистным православным сербам, в соседстве с которыми он жил у себя на родине. И разбойничал там, в гордости своей не зная удержу. Теперь он и от Старца хотел избавиться – столкнуть при случае с тропы в пропасть. Докучал ему Старец своим смирением и любовью ко всем соседям окружающим и к косуленку, которого он тщетно взывал из пространства. Эти крики особенно раздражали гордого албанца, идущего на голос Старца и несущего в себе дьявольскую злобу и решимость.

Старец вопрошает албанца, не знает ли он, где косуленок, а албанец, медленно приближаясь и стараясь скрыть свое душевное состояние, не выдерживает взгляда Старца... «Этот блеск в глазах Старца открыл в сердце албанца какую-то потаенную дверь, за которой до сих пор томилась, словно невольница, лучшая часть его души. Раскаяние штормовой волной пронеслось в его сердце, сметая все нечистые замыслы на своем пути».

Албанец, вдруг, разрыдался. Боль его сердца еще долго не утихнет, но любовь Старца пробудила в нем воспоминание детства и любовь к нему родного деда его. Старец и албанец обнимали друг друга, и оба плакали. Один – от любви ко всем и всему, а другой – от глубочайшего раскаяния. Раскаивающийся злодей и разбойник открыл для себя и почувствовал, что такое ад, и, главное, увидел некоторый свет – возможность выбраться из него... Так вот почему Аллах устроил так, что он оказался на Афо-

не, и что молитвы любящего его, теперь уже, наверное, покойного деда не пропали даром...

Вот уж поистине: «Стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся...» Но такое мало кому, и даже Афонским подвижникам, удается. Чудесная история.

(Использован рассказ «Косуля» из книги «Удивительные истории...» Станислава Сенькина, изд. «Странник. Елец», 2015 г.)

Прошу прощения у автора, не мог удержаться от пересказа. Это не грех?.. Хотелось продолжить: Так рассудил мусульманин. И правильно рассудил.

А что же старец? А старец, сохранив в душе мир Христов и любовь ко всему творению, поймет. Что главное пристрастие и главная любовь и привязанность у монаха – это Бог. Все остальное – фон. Не прилепляйся земному, зри к небесному. Не отвлекайся слишком дольным, зри к Горнему.

А не для монахов все в этом коротком рассказе остается удивительным и Промыслом Божиим освящаемым.

Человеку свойственно углубляться в какую-либо тему, и бывает, без меры увлекаться, соображать только категориями оной. Не видеть ничего другого, и окружающих его близких заражать своей темой. Немало примеров (теперь уже тридцати, а может, более лет давности) с паспортами, с ИНН и прочими «страшилками». Они, безусловно, есть и были всегда. Даже ещё и в Ветхом Завете, и это уже не страшилки, а Закон: поклониться чужим богам, забыть истинного – что может быть опаснее. Такую опасность надо или должно всегда отслеживать и, естественно, стараться не впадать в грех.

Такой подход (с повышенным интересом углубляться в тот или иной предмет познания) наверное, необходим писателю, учёному, художнику, молящемуся человеку, чтобы сделать открытие и ощутить радость этого открытия-откровения. Простому же человеку, думается (как всегда и для всех, впрочем), необходима мера. Мера углубления, чтобы не упускать из вида мир, тебя окружающий, другие темы. И хотя мы знаем из Нового Завета фразу: «Мир во зле лежит», однако мы знаем и то, что из этого мира, лежащего во зле, Господь постоянно выуживает и спасает нас, грешников.

Много примеров можно привести «о пророчествах», о «предсказаниях» исторических – послевоенных, и современных. Время от времени поминаются они в газетах («Русский вестник» «статья «Обличение лжи и заблуждений века сего» № 2, 2016; «Радонеж» и в других источниках), очень озабоченных проблемами «чипизации», «киборгов» и прочее. И справедливо информируют они об опасности. Сегодня технические возможности, при желании, позволяют «держат на крючке» почти всякого человека. Эти возможности достигли больших высот. Но всё-таки всякий раз, когда заходит подобный разговор или спор, мне лично вспоминаются, вовсе как бы и некстати, Пушкинские строчки: «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал...» Это что? Пророчество о самом себе, о своём предназначении? И правильное пророчество! Или неправильное? (Это к «богослову»). Неужели только тщеславие и гордость житейская? И неужели фраза: «Пушкин наше всё», ложная фраза?

Или: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный, к нему не зарастёт народная тропа...» Почти двести лет «тропе». И читается Александр Сергеевич столько же. И правильное пророчество, хотя и не святого, но милостью Божьей избранного в стране нашей, на Руси Святой.

Это внезапно возникшее отступление, эти строчки у поэта искренни, талантливы и подтверждены временем. И любезны.

А что же упоминается статья?

Статья заканчивается евангельским призывом: «Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас» (Мф. 24, 2), а какие-то двое (священник и писатель) в «Челябинских епархиальных ведомостях (№ 8, 2015) восхваляют своим прихожанам удобства УЭК и призывают «не бояться». И ещё в этой же статье призывает не бояться митрополит Воронежский Сергей. В интервью телеканалу «Союз» он говорит: «Не бойтесь ничего. И пускай вам вживляют это («чип»), потому что вы антихристу как статистическая единица абсолютно не нужны. Вы ему нужны своим психологическим настроением. Если вы христианин – значит, это вшитое вам считывающее устройство, когда вы придёте в магазин, покажите, что ваше настроение и состояние противны существующему порядку вещей, и вас отключат от этой системы. Вам нечего будет есть, и вас вызовут на беседу... Если вы не отречётесь, а скажите: я христианин, я верую, что Христос пришёл 2000 лет назад, то тогда вас исключат из общества и сбудутся те великие пророчества: никто вас не накормит, и ничего вы не купите, и ничего невозможно будет делать. **Поэтому храните веру, храните веру в Бога Живого, Который помышляет обо всех нас, и не бойтесь никакого антихриста, ни его знаков**».

Знамо дело, владыко, что антихриста бояться не надо (хотя это мало у кого получается), **но возникает вопрос: а что же тогда является «по-рогом»**, за который переступить, значит, если не в прямую отречься, то уж точно участвовать в антихристовой системе? Какой знак – вживляемый в руку или чело? Или точнее – чей, если не антихристов?

Автор статьи В.П. Филимонов, русский писатель-агиограф и публицист категорически против высказывания владыки Сергея. Но мне кажется, что слова, сказанные им («храните веру, храните веру в Бога Живого, Который помышляет обо всех нас...»), слова искренне сказанные. И владыко безусловно верующий, и интервью предполагает, несёт в себе больше эмоций, чем статья (печатный текст). И, скорее всего, митрополит Воронежский имеет ввиду, в первую очередь, не техническую сторону (Поставить знак, вшить чип, в конце концов, это можно сделать насильно, или внушить детям о «пользе». И что это уже будет – гибель?), а сторону духовную, в которую не вторгается даже антихрист. Если человек внутри себя имеет Христа, то ему ничто не может повредить.

Поэтому храните веру!..

И одно дело говорить о духовной опасности, которая намечена определёнными силами глобальной системы, и другое: сколько ещё времени то или иное новшество продлится и когда Господь окончательно попустит совершиться окончательному отступлению...

Пока будет вера, пока будет молитва, есть основание полагать, что Господь с нами и защищает нас.

Однако враг не дремлет и «страшилки» продолжают. А мы продолжаем бодрствовать, как призывал и призывает Апостол?

«НЕДАВНЯЯ БЫЛЬ О НЕСКАЗОЧНЫХ ГЕРОЯХ СО СКАЗОЧНЫМИ ИМЕНАМИ», ИЛИ «КТО ПРИДЕТ В ВОССТАНОВЛЕННЫЙ ХРАМ?»

*«Воздаждь ми радость спасения Твоего
и Духом владычиным утверди мя.
(из псалма 50-го)*

Таких историй на постсоветском духовном пространстве немало, и, может быть, некоторый читатель не увидит в ней ничего интересного, то есть «типовой рассказ», но мы предлагаем, потому что жизнь всякий раз преподает случай к осмыслению «жизни и смерти», оставаясь Тайной неразгаданной, и толчком к изменению земной, и поворотом к Жизни вечной.

Когда молодые супруги начинают мечтать о ребенке и, если, вдруг, эта мечта зачинается и обозначается, они задумываются об имени его. Какое имя нарекут...

Сейчас есть уже православные среды, где выбор имени для дитяти определяется важными факторами. К примеру: какой святой наиболее покровительствовал супругу или супруге, или в честь деда или отца, чтобы «отдать честь» любимому родственнику, или на какой день предполагается рождение, то есть на какого святого память, так и назвать, или какой-либо святой, святая, ближайшие ко дню рождения младенца.

Наша молодость проходила в советский период, когда все церковное не поощрялось и руководствовались в вопросе выбора имени по-иному. Мою жену, к примеру, мама (то есть потом моя теща) назвала Ларисой, как героиню фильма «Бесприданница», а наши соседи по родной улице в Нижнем рождавшихся до Войны детей, моих сверстников, почему-то называли «немецкими» именами: Рудольф, Галий, Альберт или Руслан (это уже не немецкое, а, скорее, языческое). Всех этих имен в «Святцах» нет, и при крещении, если оно случалось, им давали созвучные, подходящие по «Святцам» имена, к примеру: Руслан – Рустик, Альберт – Александр. А некоторые давали имя по красивому звучанию, по певучести, и оказывалось, что по русским народным сказкам. Согласитесь сами: Василиса (Прекрасная), Аленушка, Иванушка, Илюшенька (Илья-Муромец).

Молодая счастливая Надежда (со своим кавалером), как почувствовала, что забеременела, так сказала себе: если дочка, то – Аленушка, а если сынок, то – Иванушка. Получилось и то и то, только с большим перерывом: Иванушка был младше Аленушки на 12 лет. Но кроме совпадений по именам, «сказочного» ничего у них в жизни не было (если не путать сказочность с чудом Божиим, что бывает также не часто), кроме, разве, одного: и в сказке и в были есть общее. И там и там есть наличие нечистой силы, различия которой только в названиях, но не по сути. В сказке: колдунья, ведьма, леший и прочее; а в жизни, в христианском обиходе: бес, сатана-диавол-злой дух, нечистая сила.

Мы познакомились с Надеждой сравнительно недавно. Иванушке было лет 12-13. Это был милый мальчик, воспитанный, внимательный, обходительный, вежливый и заботливый о близких и окружающих. Он посещал Воскресную школу, и это было похоже на сказку, потому что его родителям и в снах такого не виделось, и в реальности не существовало и не предполагалось.

Аленушка была замужем, но Надежда печалилась о их напряженных отношениях и молилась о благополучии в их семье. Молился и Иванушка и вместе с матерью переживал, что сестра его и муж ее не разделяют их веры, не присоединяются к ним. К тому времени мать с сыном уже постоянно по воскресеньям и Праздникам ходили в храм. Мать радовалась прилежности сыновней к храму и благодарила Бога.

Иванушка тоже благодарил Бога, но иногда у него возникла мысль «сказочная»: «не пей, Аленушка, из копытца – козленочком станешь», но он мальчик воспитанный и осторожный, да и фраза это, как известно всем, в сказке не его, а сестрицына. Но, как видим, это «наоборот» в жизни бывает. Сначала ребенок каким-то образом (может, через бабушку или дедушку, или соседей по квартире) попадает в Воскресную школу, а потом родители его входят в Церковь и знакомятся с Ней и Ее древней историей, ориентирующей человека к Главному: к познанию Истины, к спасению души. Воскресная школа, рассказывает Надежда, так подействовала на Иванушку, что он стал мечтать о священстве и восстановлении разрушенного храма в нашей деревне, куда мы в каникулы постоянно ездили. Мечты сына радовали Надежду, а состояние дочери огорчало: «Аленушка никак не воспринимала наш образ жизни».

Прошлым летом, продолжает Надежда, у нас в квартире стал ощущаться приятный аромат, непонятно откуда. Из форточки? Но за окном нет цветущего сада, там дорога и асфальт. Оказалось – мироточила икона (бумажная) святых Новомучеников Российских... и радость, и растерянность, и не знаешь, как к этому относиться... Чудо! Сообщение благодати Божией или предупреждение? Но о чем?.. Достаточно скоро все прекратилось, а осенью Аленушку положили в больницу, у ней и раньше побаливал желудок, а тут страшный диагноз – рак желудка. Лечение, молитвы наши с Иванушкой... Дочь начала ходить в храм. Исповедовалась и Причащалась. Очень сдружилась с братом. Он заботился о ней и переживал за нее.

В первый день весенних каникул сынок поехал в деревню к бабушке, а вечером пришла страшная весть, в которую мы никак не могла поверить, – Иванушка погиб.

Несчастный случай. Невероятно. Так все рядом. Позавчера уехал – завтра похороны. Не может быть, Господи! Может!.. Объяснений нет. Мы все изнемогали от болезни и горя. Если бы не Воскресная школа, посещаемая с сыном, где обрела веру и некоторые знания, я б с ума сошла, но оказалось, что это было только началом испытаний. Дочка Аленушка умерла через два месяца после трагической гибели сына, а через пять месяцев умирает муж, с диагнозом «рак легких». Господь был со мною и в радости и в тяжелых горях – одно за другим. Муж Исповедался и Причастился, и мы даже обвенчались, только уже дома: он не мог ходить и сидел в кресле. Такое душевно-невыносимое напряжение, как в «тисках», а духовно-милостию Божией, пережила.

Похоронены все трое вместе в деревне у разрушенного храма. Как-то на очередных поминках обмолвилась батюшке (который отпевал сыночка моего и у которого он прислуживал в качестве алтарника в небольшом городском храме и за неделю перед гибелью исповедался и причастился) о мечте сына восстановить деревенский храм, а он, к моему удивлению, предложил заняться этим мне. Я, говорит Надежда, чуть «язык не проглотила», а батюшка спокойно продолжил: «Я помню, как исповедался ваш четырнадцатилетний отрок – взрослые, бывает, не так серьезны. К тому же Господь взял его светлую душу и если есть, кому осуществлять его светлую мечту, то почему бы и не начать?» А меня осенила мысль: «Может, я для того и оставлена Господом, чтобы такой труд понести?».. Осенила на миг и оставила... Кто, когда-нибудь, видел руины Храма, где одни стены, где ни крыши, ни колокольни, ни купола, где нет ни одного «живого» места, тот поймет. С чего начинать и к кому идти? И все же я вышла из этого тупика, уповая на помощь Божию и вспоминая вдохновляющие слова батюшки: «Пусть восстановление Храма будет Вашим с сыном общим делом!» Тупика не стало, начались «пути-дорожки» по бесчисленным коридорам.

Не буду рассказывать всех перепетий: и хождений, и унижения, и недоверия к выпрашиванию денег – это достаточно часто повторяющиеся истории; но результаты есть, и тяжести на душе нет. И более того, появилась радость от объединения людей – у Общего Дела, – чего сейчас в нашем обществе людей встречаешь не часто. Разделений – сколько хочешь, а объединений – дефицит. Кругом «раздрай», отчуждение, и – «это твои проблемы», а в нашей общине: согласие, стремление к цели, Соборность, молитва, как говорится, «едиными усты и единым сердцем». В таком душевном состоянии все трудности переживаются легко.

Трудности непреодолимые там, где нет веры и Бога. И они могут быть замаскированы (дьяволом, бесом, нечистой силой) всякого рода «масками» и яркими «обертками-этикетками», под которыми «недобрый продукт».

Вспоминаю, продолжает Надежда, сороковой день Иванушки. Пришли его одноклассники, некоторые и не знали, что их товарищ был верующим и посещал православный храм, и на молитве стояли «разиня рот» и с округленными глазами, а двое, мальчик и девочка, вообще «отсутствовали» – не стеснясь, прижимались друг к другу и целовались, чем вызвали возмущение даже своих товарищей, а кто-то из наших родственников сделал им замечание.

Молодость выбирает свои «законы», а делатель «законов» (раскованности, вседозволенности и бесстыдства) – известный субъект (одно из имен его – искуситель); он «зря времени не теряет», расставляя сети и увлекая всякого рода удовольствиями и снадобьями.

Так, размышляя и делясь с нами, Надежда немного опечалилась, поставив, прежде всего, себе вопрос: а придет ли кто-нибудь из одноклассников сына к Богу – к Истине, к разумной осмысленной жизни?.. Придет ли кто из них в восстановленный храм?.. Она долго молчала, мы – тоже, но пауза не была тягостной... Потом Надежда снова заговорила, как бы сама с собой: а тебе-то что? Твои-то пришли, они ныне, милостию Божией и нашими сильными стремлениями, в Царстве Небесном, куда и мы по времени надеемся попасть, а из тех (кто сегодня вне церкви) тот попадет, кто направит стопы свои к Богу, к Истине, к Христу. И Он встретит их и обнимет, и спасет. И той неземной радости их не будет конца.

Мне рассказали про одну женщину, которой врачи поставили страшный диагноз, и она в глубокой скорби и отчаянии приехала на неделю в скит, чтобы покаяться у священника, помолиться и, что по силам, по-

трудиться. Монахиня, знаямая ею, с любовью приняла ее, обустроила и дала список грехов (их там было триста). Женищина просмотрела их, удивилась их множеству, прочувствовала и, когда приехал батюшка, исповедалась у него. Они побеседовали два часа, исследуя все грехи, касающиеся ее, и она Причастилась. Тоска и страх отступили, и на душе стало легко. Сколько эта «легкость» может продолжаться – зависит от нашего устремления к молитве и покаянию, и любви к Богу, Который снимает (по-человечески это называется) стресс и ведет в совершенно другом направлении, противоположном нашим житейским греховным путям. И что же? Выходит, самое главное, что вытекает из подобных обстоятельств: как же надо благодарить Бога за болезнь, посланную человеку! Ведь она, болезнь, это «дверь в рай», и, взирая на эту дверь, еще и еще благодарить! И бояться (самого себя), чтобы не отвлекаться в очередной раз мирскими соблазнами и не «уйти от двери». Она ведь может открыться и не для тебя.

Прошло немного времени, месяца два или три... Диагноз не подтвердился в той категоричности, болезнь не то чтобы прошла – сменилось мнение врачей, появился вариант, как бы сказать, «щадящий» и обнадеживающий. Но это видимая сторона дела, физическая – телесная, а что произошло или происходит в душе человеческой – это таинственно, сокровенно, не материально, но очень важно и зависит только от самого «пострадавшего» (или облагодатствованного?). Тверд ли он в Соприкосновении с Богом, держится ли он за край Ризы Господней. И если «да», то человеку уже не очень важно, какой будет исход. Он примет то, что Господь ему определит. Если же человек пренебрежет выпавшим ему случаем («приди в скит»), отвлечется мирскими вариантами, то думается, что спокойствие уйдет, рано или поздно, ровности душевной не будет. (В лучшем случае будет «надежда на человека»). И Бог увидит, что человек опять Ему не верен.

«Хвалите Господа, яко Благ псалом...» (Пс. 146 ст. 1)

Песнопение полезно нам, говорит Пророк, и доставляет нам Блага (нам сладостно приятное пение, хотя оно не всегда бывает у нас, мы путаемся, «спотыкаемся», торопимся, не благоговеем, и тогда никакого «Блага» не происходит), но, оказывается, *«Богу угодно не песнопение, а намерение поющих. Ни в чем не имея нужды Сам, Он радуется спасению человеков».* (Толк. Феодорита Кирсакого)

Но это, как раз, и значит – «намерение» должно быть постоянное и неослабевающее, а такое состояние редкое и мало кому доступное. Человек немощен и непостоянен, но знание такое подкрепляет нас духовно.

Говорят, что на нашем храме (мы – приход с. Владимирова – приписаны к Покровскому храму, что на стеклозаводе) на белых кирпичных стенах написали хульные слова, и в частности таковые: «Бога нет». Печальный факт нашей действительности. Он огорчает, но он и вразумляет или, как говорил один киношный герой, предлагает информацию к размышлению.

Действительно, как к этому относиться? Нового здесь мало чего. Скоро сто лет, как подобные проявления скрытых, вражьих, в людях сидящих сил повсеместно, по всей стране «расцветали пышным цветом». Это было нормой, это было установкой. Но сегодня, после видимого, хотя может быть, внешнего, возрождения, наводит на иные размышления: а что, если, и вправду, в людях, приходящих в храм, то есть в нас с вами, «Бога нет». Что если люди, дерзнувшие написать такое (скорее всего, это были молодые подростки, не очень отдающие себе отчёта), вслепую выразили нашу на сегодняшний день сущность: теплохладность наших душ, чёрствость сердечную, равнодушие и фарисейство, что если они не увидели в нас любви и отзывчивости, а только осуждение приходящих «нецерковных» людей и лицемерие. Что если они увидели спешку и авто-

матизм, и «ничего непонятность» и желание объяснить, стяжать в себе и показать «любовь Христову»? Вспомним слова Господа, написанные Апостолом: «Потому узнают, что Вы – Мои ученики, когда увидят любовь между Вами». И вот кто-то увидел, что ничего подобного не обнаруживается, и обозначил такое духовное состояние наше словами: «Бога нет»... Но может быть, я ошибаюсь в своём суждении и где-то и столько-то той Христовой любви всё-таки есть. И тогда – хорошо. Тогда не всё потеряно! И тогда возникает другой вариант рассуждения: человек, написавший эти слова, своим отрицанием Бога только подтверждает обратное. Храм стоит. На стенах написаны недостойные ни храма, ни человека, вообще, слова, а в храм идут люди, звонят колокола, звучит хор, и слышатся молитвы, утверждающие обратное, утверждающие силу веры и вечную память людей о Боге, а Бога – о людях, несмотря на проявление антихристово, очередной горделивой потуги на Христа и на людей Его.

Всякий раз, когда мы начинаем паниковать, по той или иной причине, связанной с нашей свободой вероисповедания, как то: ИНН, УЭК, «чипизация», или вот как произошло «сближение» с католиками, - мы задаём вопрос (неведомо только кому?), вспоминаем те или иные пророчества, «подтверждающие» грядущее событие. Мы, вроде бы, относим себя к православным христианам, к «малому стаду», и кажется нам, что мы правильные и со Христом, однако вольно или неволью, или может быть, недостаточно осознанно, но выдаём себя и идём против Христа. Вспомним слова, сказанные Христом апостолам в прощальной беседе, после Тайной вечери: «В мире скорбни будете...» А что это значит? Очевидно, что скорби будут сопутствовать вам... и вы должны оставаться со Христом. И мы, вроде бы, и с Ним, но очень хотим, чтобы наша комфортная жизнь продолжалась и ничего скорбного бы не происходило. И никаких «ревизий» на нашу духовную прочность мы не хотим.

На улице такая Благодать. Зима. Много снега. Он белый и пушистый с блёстками. Небо нежное, под стать белому снегу. Изобразить это невозможно, потому что есть ещё, кроме этих красот и красок, воздух, этот мировой, во всём разлитый эфир, который, конечно же, оживотворяет и пушистый чистый снег, и цвет неба. И радоваться бы, и созерцать Божественную природу, в которую поместил нас Господь-Творец, но нам мешают, нас отвлекает мировая информация, которая ныне, что называется, «час от часу нелегче».

Вот в «Радонеже» статья Валерия Филимонова «Не желаете ли стать киборгом?» рассказывает об уроке «Час Кода», который пропагандирует вживание ЧИПа человеку... (Православное обозрение «Радонеж» № 11 2015 г.) Три поколения советского периода зомбировали атеизмом и «светлым будущим». При сегодняшней «демократии» – «кто во что горазд». Каких только верований не понаехало в Православную-то Русь. Видимо, в расчёте на нашу забывчивость историческую, вероисповедную...

Теперь вот взялись за детей: «уроки, проводимые с недавних пор в школах РФ в рамках так называемой Всероссийской акции «Час Кода», посвящены рекламе вживляемых в тело человека идентификационных микрочипов. Нет сомнения, что они несут явный духовный вред».

Духовный вред и целенаправленное развращение молодого поколения. Теневая закулиса «трудится», враг не спит.

Один таксист мне рассказывал, как он возил неоднократно татарского муллу по его делам. И однажды они попали в сильную грозу. А им ехать далеко, и водитель как бы невзначай сказал: «Надо бы помолиться». И мулла вышел из машины, помолился, и непогодь прекратилась...

Он это рассказал, чтобы спросить меня:

– А у вас так бывает?

– Думаю, что бывает. Но лично у меня, к сожалению, такой веры сегодня нет. И ещё я не уверен, что по такому случаю нужно просить молиться. То есть молиться можно и нужно всегда, но это уже «от ума», а не по факту. По факту – такой веры нет...

Однако сейчас мы немного о другом, не о мулле и не обо мне, а о том, что простой человек – верующий, независимо в какой он конфессии, может молиться и быть услышанным...

Меня совершенно потрясло (следует сказать нас, мы втроём – матушка и гостя – после чая прочитали рассказ одного монаха) повествование о нашем (затрудняюсь подобрать слова) **безчувствии или неведении**. Хотя должно быть именно **ведение, или привычка**, что в Православной Церкви или монастыре **всё есть**. То есть, **полнота и мы просто невнимательны и успокоены, и оттого равнодушны до удивления, глубокого удивления. У нас есть великий дар – Великое Богатство в Православии. Мы на нём сидим, как на сундуке с драгоценностями, и не осознаём о своей исключительности.**

Один мудрый монах-игумен приезжал в Россию и проводил в монастырях свои беседы, делился своим опытом, желая помочь другим и утвердить себя. И не всё он видел духовно благополучным. Беседы начались чаще всего: «Центр нашей жизни – это мы сами, а не Христос. Если бы Христос был центром нашей жизни, мы смогли бы полюбить каждого, мы никогда бы не раздражались, не выходили бы из равновесия. Но мы раздражаемся, волнуемся, переживаем, потому что любим прежде всего себя.

Если говорить лично обо мне, то моя внутренняя жизнь находится в состоянии полного беспорядка. Я говорил матушке настоятельнице, что меня чрезвычайно смущает то, как меня принимают в вашей обители, – мне хочется убежать и спрятаться, потому что **я понимаю, кто я есть на самом деле**. И если ты пытаешься понять кто ты, и **Бог благословляет тебя этим пониманием**, то ты осознаёшь, что в тебе нет ничего достойного любви – кроме того, что Бог возлюбил нас Первым.

Бог любит нас не за то, что мы можем или не можем делать; Он нас любит потому, что Он нас создал. И что бы мы ни сотворили, Он не прекратит нас любить.

Вот это должны научиться делать и мы. Но проблема заключается в том, что мы любим себя». (Архимандрит Иоаким (Парр) «Беседы на русской земле». Переводы с английского).

Мне понятно подобное состояние: «убежать и спрятаться». Только у меня в подобных случаях возникают другие слова: «провалиться сквозь землю» от вопиющего несоответствия моего внешнего облика. Золотая риза, или особенно белая, которую только что привезли из мастерской к Рождеству или Пасхе – она вся переливается и целомудренно-блестящая. А тебе вдруг представляется, что под ней, под этой ослепительной ризой «чёрная головёшка». То есть твоя внутренность. А тебе нужно кадить иконы, людей, кадить фимиам и кланяться образу и людям. И потом воздевать руки «горе», и читать молитвы Василия Великого... Да, именно несоответствие... И однако, совершается литургия, и мы причащаемся и благодарим Господа. И что это, как не любовь Господа, несмотря ни на что?

А потом мы вновь и вновь утрачиваем эти «чудные мгновения». И вновь и вновь обнаруживаем в себе бесчувствие.

Игумен Иоаким продолжает обличать тебя в этом через свои беседы монахам и монахиням, священникам и мирянам. Он рассказывает одну поучительную историю про раввина, который в силу своих стеснённых жизненных обстоятельств пришёл в православный, когда-то процветающий, а ныне опустевший по причине хладности сердечной насельников, по причине угасания веры и горения духа монастырь. Болезни и немощи телесные накладывали свой отпечаток на поведение дряхлею-

щих монахов. Им в храме во время молитвы нужны были коврики под ноги, а сверху тёплая шаль: «Мне должно быть удобно во время службы». Такая вот картина: тело ослабевало, а ощущение присутствия Бога напроць исчезало.

В упадническом состоянии духа находясь, монастырь разваливался. Унывное состояние одолевало.

Раввин постучался в двери монастыря и открывшему ему монаху сказал о необходимости поговорить с настоятелем. Просьба его была такова: «Я уже стар и скоро умру. Жить мне негде, а у вас монастырь большой». Игумен-настоятель рассудил, что на территории монастыря в лесу есть брошенная келья, ныне никому не нужная, и разрешил раввину в ней поселиться. Пошло немало времени: осень, зима, и настала весна. Братья монахи, которые помоложе, были посланы в лес за дровами. Там в брошенной келье они увидели молящегося раввина, и возвратившись с послушания, рассказали об этом с удивлением настоятелю. Заинтересовавшись, настоятель и сам решил сходить в лес. Приблизившись к избушке-келье, он увидел выбегающего из неё раввина. Раввин обнял его и сердечно благодарил: «Я молился всё это время, и Бог сказал мне, что в вашем монастыре живёт Мессия».

«А где же Ему жить, как не в Православных монастырях и Церкви?» – подумалось мне. И представилось, как игумен будет иудею-раввину говорить о Христе. Тут же подумалось: «Сколько в Православной вере пребывает евреев (и священников тоже), увидевших иудейские заблуждения, и признавших Мессию, и крестившись во имя Отца и Сына и Святаго Духа, а не ожидающих ложного, и мечтающих восстановить ему Иерусалимский храм, где воссядет он, по предсказаниям... Но для нас это будет антихрист».

Ещё вспомнилось – сколько раз во время исповеди мы повторяем слова: «Се чадо Христос невидимо стоит, приемая исповедание твоё...» И ещё раз подтвердил себе: «А где же ему быть?..»

«Невидимо», но «приемлет». Но игумен мыслил по-другому. Настолько по-другому, что я возмутился до негодования и осуждения его и автора: – Кто у нас живёт? – в изумлении переспросил настоятель.

И раввин повторил:

– Среди вас живёт Мессия!

Настоятель решил, что раввин просто сошёл с ума... А я впал в ещё большее осуждение:

– Игумен и его монахи, что совсем отупели, или автор архимандрит Иоаким сильно угрируют. Что же мы забыли такие евангельские слова: «Один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавший за ним, был Андрей, брат Симона Петра. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит: Христос; и привёл его к Иисусу». (Иоан 1 ст. 40-42)

И что же игумен и монахи, совсем имена Христовы забыли? Наставник, Учитель, «Равви», Мессия. Раввину Бог открыл, а Православным – закрыл? Каково же наше духовное состояние?.. Это моё отступление, а там у них время шло, и поначалу не всерьёз восприняв раввина, однако монахи стали внимательнее к себе и к другим, начали больше молиться, петь с радостью, относиться с любовью друг к другу. То есть жить так, «как будто среди них на самом деле жил Мессия».

И это ведь нормальное состояние монашеской (да и вообще христианской) жизни: всегдашнее ощущение Присутствия Божия. Так должно быть, но, к сожалению, далеко не всегда бывает, даже в монастырях. В миру такое состояние почти недостижимо. В миру мы больше «играем в церковь», чем живём в Ней. Эта фраза у меня возникла недавно по поводу очередной «встречи по телефону» с одной дамой, «очень желающей», чтобы «церковь» поднесли к порогу её дома и она бы «затушив сигарету» вышла ей навстречу, но это, как Вы, уважаемый читатель, понимаете, должен быть другой рассказ.